

Интернациональный Союз писателей

СБОРНИК
ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ
ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

ТОМ
3

Сборник
Юлия Ковалевская
Сборник лауреатов премии
Владимира Набокова. Том 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51406702

Сборник лауреатов премии В. Набокова. Том 3: Интернациональный

Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-00153-228-6

Аннотация

В третий выпуск альманаха, как и в предыдущие, включены стихи и проза авторов – лауреатов премии имени В.В. Набокова. Их творчество обращается к разным жанрам и стилям, затрагивает множество тем, а потому будет интересно каждому.

Желаем приятного чтения!

Содержание

Предисловие	9
Валентина Бендерская	11
О муза...	14
1	14
2	15
3	16
Тель-Авивские вариации	18
1	18
2. Улица Буграшов	19
Масада	20
На свидание к Нерēju	21
1	21
2	22
3	23
Девятый вал	25
1	25
2	25
3	26
Неопалимая купина	28
1	28
2	29
3	29
Любовь-Крысолов	31

1	31
2	32
3	32
4	33
5	34
6	35
Льдяная fuga	37
1	37
2	38
3	39
4	40
Диатоника чувств	41
1	41
2	42
Найда	44
1	44
2	44
Прости, измученная память...	46
1	46
2	47
3. Дракон	48
4	49
5	50
Заблудилось лето в осени	52
1	52
2	52

3	53
Страсти по Иосифу	55
1	55
2	56
3	56
4. Страсти по Венеции	58
Из цикла «Акафист жизни сидя»	61
1	61
2. Черешневый дождь	62
Хроматика белой берёзы	63
1	63
2	63
3	64
4	65
В ритме смятого сердца	66
1	66
2	67
3	68
Украинская рапсодия	69
1	69
2	69
3	70
4	71
5	72
Параллели	74
1. Красные маки	74

2. Ушедшие в Ирий	75
3. Параллели	76
Украинский мотив	78
1	78
2	79
3	79
Перезвоны	81
Ведь я была тобою так любима...	83
1	83
2	84
3	85
4	86
5	87
6	88
Разлад	90
1	90
2	90
3	92
Подведение черты	94
1	94
2	94
3	95
4	96
Распутица	97
1. Последствия прогулки по «Пьяцца Маттеи»	97

2. Praeventus[18]	98
3	99
4	100
5	101
Созвучие диссонансов	102
1	102
2	103
3	104
4	105
Вернисаж	107
1	107
2	107
3. Натюрморт	108
4. Темпера	109
5. Коллаж	110
6. Зимние фрески	111
Фреска первая	111
Фреска вторая	111
Круговорот	113
1. Осень	113
2. Зима	113
3. Весна	114
4. Лето	114
5. Круговорот	115
Осенняя канитель	116
1. Бабье лето	116

2	116
3. Колдунья-осень	117
Возвращение	119
1	119
2	120
Марк Бойков	121
О пути России	124
Наталья Брусилова	132
У Бога нет времени – вечность...	135
Клад	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Сборник лауреатов премии В. Набокова. Том 3

Предисловие

Дорогие читатели!

Редакция Интернационального Союза писателей продолжает знакомить вас с творчеством современных авторов – лауреатов Международной премии им. В. В. Набокова. Уже вышло в свет два выпуска альманаха с их произведениями, теперь вы держите в руках третий.

Произведения, которые представлены в этой книге, в первую очередь могут быть определены одним словом – разные. Начать стоит с того, что в альманахах включена не только художественная, но и публицистическая проза – статья Марка Бойкова, которая затрагивает многие важные вопросы современности. Полемичная, написанная выразительно и ясно, она о многом заставляет задуматься.

Хотя задуматься – и, что еще важнее, думать – побуждает и вся остальная проза этого альманаха, в особенности потому, что и Галина Федорова-Косарева, и Ирина Кульджанова в своем творчестве явственно тяготеют к притче. Но притчи эти, их смысл, направленность принципиально различны. Каждый автор ставит свои вопросы – такие, какие видит он,

и какие стоит лучше разглядеть нам.

В этом выпуске альманаха можно заметить преобладание поэзии, пестрой и разной, как никогда. И это хорошо. Когда поэт по-настоящему талантлив, не имеет значения, как он пишет – в русле старой традиции, в которую вдыхает новую жизнь или в постоянном поиске новой формы, лучше всего отражающей его взгляд на жизнь и литературу. Читатели найдут здесь и то и другое.

Ведь не нужно повода, чтобы провести вечер или даже несколько вечеров над новой книгой, еще раз заглянуть в мир современной литературы и полюбоваться красотами, которые она хранит.

Мы будем рады, если эта книга предоставит вам такую возможность.

Валентина Бендерская

Бендерская Валентина Владимировна – музыкант, поэт, переводчик, общественный деятель, «Отличник народного

образования» (Украина), удостоена звания «Виртуоз словесности» Международной гильдией писателей, лауреат премии им. В. Набокова. Родилась в Бердичеве (Житомирская область, Украина). Основала хоровую студию «Струмочок» (Житомир). Студия получила звание образцовой, является лауреатом премии поэта Николая Шпака, а также многих областных, республиканских, международных конкурсов и фестивалей. Инициатор и организатор хоровых фестивалей «Струмочок скликає друзів» с участием коллективов из разных городов и стран. Автор оригинальной методики преподавания теории музыки и сольфеджио на основе релятивного метода; подготовила к выпуску учебник по теории музыки и сольфеджио. Проводит мастер-классы по своей методике со студентами и преподавателями музыки. Публикуется в научных изданиях. С 1997 г. живёт в Израиле, в Тель-Авиве. 10 лет проработала в Израильском оперном театре.

С 2009 года начала писать стихи. В 2012 г. вышел первый поэтический сборник «Фрейя», в 2013 г. – «Стихи из мусорной корзины». В 2015 г. – «Асфodelи непознанный профиль», куда также вошли переводы с польского и песни на её стихи, в 2017 г. – «Выкрутасы эйдоса», в 2019 г. – «Любовь-Крысолов». В 2015 г. стала членом Союза русскоязычных писателей Израиля и Международной гильдии писателей. С 2017 – член Международного союза писателей Иерусалима. В 2016 г. вместе с поэтом Леонидом Колгановым организовала в Тель-Авиве Всеизраильский поэтический клуб

«ПоВтор». Фишкой работы клуба являются международные поэтические телемосты «Поэзия без границ», на которых побывали поэты из разных городов и стран: Израиля, Украины, Испании, Греции, России, Беларуси, Америки. Инициатор выпуска и составитель международного альманаха «Свиток 34» по следам этих телемостов. Выпустила антологию поэтов Житомирщины «ПАРК Шодуара». Печатается в журналах и альманахах СРПИ, МГП, МСПИ, таких как «Новый Ренессанс», «Созвучие муз», «Юг», «Литературный Иерусалим», «Крестовый перевал», «Für dich» и др. Многие стихи переведены на украинский, польский, болгарский, английский, немецкий языки.

О муза...

*Не сомневайтесь, крест Голгофы
весьма надёжный пьедестал!*

Л. Дербина

1

На этом балу, как Золушка,
по острым углам теснясь,
а может, как певчий скворушка,
глядящий в кошачью пасть,
смущённо и безалаберно,
скрывая биение чувств,
качаюсь на шаткой палубе,
играя излучиной уст.

И мне устоять на палубе
не моего корабля
так надобно, ох как надобно!
Ведь это стихия моя.
Стихия моя стихийная,
живые слова и стихи!

Зачем же песни литийные¹
под утро кричат петухи?..

2

Как наркоман, подсевший на иглу,
подсела на поэзию и гласно
играю в эту смелую игру,
хотя она не менее опасна.

Затягивает в омут языка,
берёт в полон, как чары Бонапарта.
От ломки – то ли бунт, то ли тоска
пугает, как кармическая карта.

Тропой Морфея ходит по ночам
по закоулкам сна и сновидений
и раздирает, во весь глас крича,
утробу мозга нерождённый гений,

не ведающий, что отныне строфы,
стократным эхом в небе отзываясь,
вернутся наземь, где стоят голгофы,
куда крест будет несть не озираясь.

¹ Заупокойная лития – особый род литии, установленный для моления об умершем.

3

Оксане Шимановской (Семенюк)

Стихи мои поют без нот,
по слуху, наугад, на ощупь...
Из сердца жизнь их достаёт
и устилает – словно роща
листвой в осенний солнцепад
уставшую от родов землю —
мою судьбу... Локрийский лад²
щежит в словах... Их звукам внемлю...

А может, им дано поднять
такие атомные взрывы,
что дух безверья двинет вспять,
вскрывая Вечности нарывы?!
А может, им дано мести
конюшни авгиевы – души,
чистилищем стать для земли,
вбирая глупость вездесущих?..

И среди тысяч грешных тел

² Локрийский лад – особый музыкальный лад, в основе которого лежит уменьшённое трезвучие. Характер музыки в локрийском ладу более драматичный, трагедийный, даже демонический...

на ощупь, наугад, по слуху —
пока мой стих не омертвел —
я прислоняюсь к жизни ухом,
глазами, сердцем, жилой, нервом...
Лишь в запредельной вышине
в моём свиданье с Богом первым
отдамся Вечной тишине.

Тель-Авивские вариации

1

Люблю тебя, мой Тель-Авив!
Гулять по улочкам пустым,
Когда в душе любви прилив,
И перезревших чувств отлив,
И шторм в подкожной бухте...

Люблю ночной твой мягкий бриз,
Прохладу в дом несущий,
Плеск тихий волн и кипарис,
Уснувший в лоне лунных риз,
Закутанный, как в юрте.

Люблю прибой, толкущий брег,
В лицо – плевки солёных волн —
Скитальцев моря, как абрек,
Неустрасимых, их набег
На пирс, разлёт на кнехте...
Валентина Бендерская

Мой Тель-Авив, уже родной!
Трепещет сердце в платье,

Когда лечу к себе – домой,
В шум окунаюсь с головой —
Он день и ночь на вахте!

2. Улица Буграшов

К морю шагаю по линии Буграшов.
Пятидесятый размер —
Шорты на мне, наизнанку шов
Майки в полоску... Сер,

Вида невнятного и неопрятного —
Брусчатый гобелен...
Да неприглядна для глаза залётного
Старость потёртых стен.

А я шагаю свободно, и дорог мне
В меру горбатый наст,
Ставни из прошлого, прошлая жизнь в окне —
Невозвратимый пласт...

Тянутся к небу, собою любуются,
Чтя городской кряж,
Новые башни, держа фасон улицы,
Носом уткнувшейся в пляж.

Видные домики – чистые, гладкие,

Только совсем другой
Стиль оголяется: нищий загадками
И, к сожалению, немой...

Масада

В земле природы обветшало,
Покрытой пылью веков,
В расщелине години шало
С прозреньем веры запоздалой
Утихли натиски врагов.

Солёно-горькая водица,
Разлом заполнив до краёв,
Туркизом призрачным искрится,
Манит, но ею не напиться,
Не напоить земли покров.

В сей чаше ветры одичали,
Здесь ненасытная беда
Со злом трагедию зачали,
Здесь слёзы высохшей печали
Окаменели навсегда.

На свидание к Нерею

1

Этот плеск политонный,
Этот гул моногамный³
Архаичного лада
Несмолкающих волн
Исполняет бессменный
В темноте inferнальной,
Как и в звёздном каскаде,
Дирижёр Орион.

Я к Нерею пришла
За его вдохновеньем.
На до блеска натёртый
Песчаный паркет
Солнце ночи – Луна —
Разливалась свеченьем,
Наблюдая за мной
В одноглазый лорнет.

Я – единая, кто
В вечер праздника Песах

³ Моногамный – единобрачный.

Не читала молитв.
На концерте стихий
В полулетнем пальто,
Как участница в пьесах
Первожёнки Лилит,
Примеряла палий.

Но блеснул Орион
Обаяньем трёхзвёздным,
И живая туманность
Messier сорок два⁴
И Неря озон
Этим вечером поздним
Искупили превратность
Ушедшего дня.

2

День сникал... За горизонт,
Будто там Светила кладки,
Баал-Хаммон тащил свой зонт⁵
Из лучей дневной укладки...

⁴ Туманность Ориона, также известная как Мессье 42, М 42 по имени Шарля Мессье – французского астронома, составившего каталог туманностей и звёздных скоплений.

⁵ Баал-Хаммон – божество западносемитской мифологии, один из главных богов карфагенского пантеона.

Усмиряла моря плач
Золотистая пелёнка...
Кромки тонкая филёнка
Крала солнца лысый мяч.

Огибая ветра ток,
Воровству дивясь воочию,
Тени падали на бок,
Приземляясь тёмной ночью...

Лишь довольно, свысока
Перемигиваясь взглядом
С изумрудом маяка,
Месяц рог поднял над кладом...

3

Ужом скользя за горизонт
В буграх чернильного заката,
Чернеет парус-фармазон
Иглой, впиваясь в неба злато.

Он облаков пчелиный рой
На шпиль с усердьем билетёрши
Накалывал, кромсая строй
С неумолимостью вахтёрши.

Один блуждал меж рваных ран
Кровоточащего захода,
То исчезая за бархан
Волн неуёмного похода,

То, словно грифельным копьём,
Пронзал трепещущие ноздри
Корове Нут, что над огнём
Глотала свет, рождая звёзды.

Девятый вал

1

Пропасть разверзлась... Взорвал тишину
Забоя увесистый шквал!
Волна посылала в нокаут волну,
Калечась о скальный оскал...
Под вопль и свист разъярённых ветров
На ринге титаны сошлись,
Падали с рёвом разорванных ртов,
Калеча небесную высь...
Сошлись!!!
Не спасли, не спаслись...

2

Лохмотья кровавой рвани
Завесили неба квадрат,
Как будто на поле брани
Тела убиенных солдат...

Как будто природа приносит

В жертву небесную рать
За веру земную и просит
Резню брат на брата унять.

В прогалинах мечутся тени
Стихания мирной войны...
Пред нею встают на колени
В молитве затухшие дни...

3

Сгущённый антрацитовый покров
С замедленным движеньем киноплёнки
Заботливой рукою мостил кров
Над тающей зарёй в морской рифлёрке.

Накалом восставали фонари
В сто лун вслед уходящему закату;
А волны, словно в полдень косари,
В скирды укладывали пены вату;

Да сейша колыхала строгий буй,
Баюкала забытую панамку,
Старателем в ней промывала струй
Песчаных злата жареную манку.

Безмолвие, живущее в песках,

Ловила я в купели мироздания,
И выплеснулись в вечер, как хамса
Из сети в трюмы, блиц-слова признанья.

Неопалимая купина

1

Опять цветеньем замело
огромный куст напротив глаза.
Кисть у зимы перехватив,
весна пришла в цветах экстаза,

в кошачьих криках, в пеньи птиц
и в просветленье мрачных лиц...
Холмов зазеленевшей грудой
природа стала полногрудой.

Всё воскресает, захмелело...
Что под листвой опавшей прело,
живую плотью набухает,
всё округлилось, раздобрело...

Ся страсть желаний неотступна...
И воля эта неуёмна...
И сила эта не преступна,
а Богом одухотворённа...

2

Вот снова куст мой зацветает,
мне говорит: «Бери, пиши...» —
и предо мною рассыпает
опавших лепестков гроши.

Мне платы от тебя не надо.
Ты не меняй своей красы
на дешевизну хит-парада
стандартной зелени попсы.

Ты сохрани цветенья лик,
весьма фасонистый наряд,
столь пенистый и чистый блик —
весны венчания обряд.

Как можно дольше растяни
то наслаждение двойное:
счастливый миг – писать стихи
и любоваться красотой!

3

Вдох! От земли оторвалась и полетела.

Душа умершая очнулась и запела,
о рифмы спотыкаясь вновь...
И в жилах будоражит кровь

стих Иегуды Амихая...
Как птица крыльями у края
гнезда с беспёрыми птенцами,
цветок трепещет лепестками.

Мой куст подле окна опять
к весны венчанью веток прядь
облёк в священную фелонь
белее снега. На ладонь

листок — как бабочка-душа
моя, цветением дыша, —
от баугинии слетает.
Его ловлю. И понимаю,
что я живу.

Любовь-Крысолов

Леониду Колганову

1

В левом окне – орех,
В правом окне – рябина...
Я полюбила на грех
Отпрысков Божьего сына.

Горечь рябины – яд
Вдовьей остывшей спальни,
Сполохи красных Плеяд —
Словно костёр погребальный...

На грех полюбила я
Бурю песков суховея
Там, где сухая земля
Стала святой для еврея.

Там, где цветущий миндаль,
Там, где скупую слезою
Соткана дней пектораль,
Вновь повстречалась с судьбою.

2

...а я ревновать тебя буду
и мысленно следом повсюду
искать.

Под солнечное сплетенье
забыюсь, твоему вдохновенью
под стать.

Забыюсь, и дышать без меня
не сможешь и дня...

В пик ночи
забудешь про сон... и свет...

В тебе я – каждый просвет.

Как точен
выстрел из-за спины,
взглядом из глубины
жажды!

Блуждала путём совы,
и вдруг – поворот головы
однажды!

3

Отпусти мою душу на волю,

ненасытная страсть,
не готовь ей заклую долю,
демонстрируя власть.
Я войны не хочу между телом
и душой нараспять,
проклинать на беспутстве горелом
свою царскую статью,
примириться и мериться силой
с любозлобной молвой.
Дай остаться мне трезвой и милой...
И самую собой.

4

В стихах зародилась любовь,
как атомный взрыв,
как вулкан в океане.
Стихами ожившая кровь
плескала навзрыд
истеричкой... В обмане,

в бреде психоделики слов,
напалме страстей,
изуверстве страданий
манила любовь-Крысолов
заблудших гостей
на жаровню свиданий.

И этот последний пожар,
как звёзд снегопад,
как цветок полнолуния,
Валентина Бендерская
тебе – мой нечаянный дар.
Сердечный распад
сердобольная «лгунья»

тебе лишь отдаст – не таясь,
без страха, стыда
или слов сожаленья,
впадая в интимную связь,
замкнув провода
от стихов наважденья.

И выйдет на девственный свет,
как мученик зла
из темниц подземелья,
любви отцветающих лет
печальная мгла —
и не будет похмелья.

5

И отчего б не щебетать
мне сладкогласым соловьём,

не грызть в тепле головку сыра?
Везде готов мне стол и дом,
железный конь, у ног – полмира...

И отчего б мне не порхать
по жизни стервой-стрекозой,
не пить нектар златого дара,
не принимать ночной порой
порыв сжигающего жара?

И отчего неймётся мне?
Истерзаны в клочки тетради.
Мозги сушу, как сушки в печке.
Ответь мне, небо, Христа ради,
хотя бы бляньем овечки...

6

Белы снеги́ в тихой неге
на полях и на лугах.
Стеблей пегие побеги
разлинованы в углах

изразцовых льдин озёрных.
Бело-чёрное панно
утопает в красках чёрных —
ночь зашторила окно.

Лессировками морозом
слой за слоем по стеклу —
стекленеют под наркозом
гривы трав... Венцом во мглу

тычет церковь, крепость пала
от нашествий серых туч...
Я бы пред тобой упала,
если б не был ты колюч...

Льдяная fuga

1

Одинокая тихая лодочка
проплывает в тумане речном.
Завывает сонливая дудочка
крутояра зазывным послом;

с переключкой варгана⁶ гнусавого
из тунгусских шаманских болот
отправляет посланника шалого
в землю ту, где порхает угод.

В той земле, где святою и грешною
представала отпетая даль,
след, оставленный в ней конькобежкой,
засыпали песок и миндаль...

Уже стылую душу отшельника,
отгулявшего жаркие дни,
не бережат сибирского ельника
обгорелые времени пни...

⁶ Варган – основной музыкальный инструмент шамана.

Но озябшие гари и пустоши
да червонные дни и часы
проступают в прорехи из ветоши
одиначества липкой попсы.

Как же выбраться из одиночества?
Засиделись мы в нём невзначай...
Так давай не грусти – для сотворчества
заходи по-соседски на чай.

2

Красный зонт у начала моста,
кем-то брошенный или забытый.
Он, как сердце, открытый для ста
сотен тысяч потоков умытых,

сотен тысяч ветров, что листву
окрыляют в предсмертную пору,
когда буйный Борей поутру
проводит со свистом Аврору⁷.

Красный зонт – алый парус надежд —
на мосту, исчезающем в складках
наресниченных липами вежд,

⁷ Аврора – древнеримская богиня зари.

потемневших в осенних осадках,

словно губы, зовущие страсть
и горящие от поцелуя.

Как же мог он в **начале** упасть
или брошенным быть? Не пойму я.

3

И остались тобой не замечены
искромётные страсти метели.
Погасили сегодня свечи мы
на краю нераскрытой постели.

Не испили хмельное желание
настоявшейся сладостной браги.
И ложатся стихи в оправдание
на листки белоснежной бумаги.

И ложатся цветы друг на дружку,
словно скошенные печалью.
Ты никак не забудешь подружку,
перетёртую дальнею далью...

И фантом угрызения совести,
как свидетель, бывшие ошибки
теребит в окончании повести

на портрете усталой улыбки.

4

Когда я тебя разлюблю,
мне больно уже не будет.
Крест чёрный по календарю
оплавится скупостью буден.

И буду вручную закат
сама опускать над постелью,
ложиться в свой маленький ад
на стылую простынь метелью.

Остыну... Звонящую стынь
уже не почувствую кожей.
Моя однобокая тень
застынет в проёме прихожей.

Заснежит зальделую дверь
и холод восславит искристый...
Нет боли утрат и потерь,
в чьём сердце – осколок льдистый.

Диатоника чувств

1

У небесной любви – земные черты:
это руки твои, это нежность и голос
под прикрытием слов, где слышны Я и Ты, —
чистоты расцветающий лотос.

Обними, защити обнажение чувств,
непорочность зачатия движенья друг к другу.
На роль Девы Марии я не гожусь —
превращусь в боевую подругу.

Превращусь в жизнестойкий алмаз бытия.
Удержусь и тебя удержу на обрыве.
В этой жизни важнее всего Ты и Я
на взлетающем к солнцу порыве.

И неважно, что крылья былым сожжены:
ещё мысли живут и сплетаются в слоге.
Мы оставим любви неземные следы
на заснеженном в прошлом пороге.

2

Было ли? Может, и не было вовсе...
Я растоптала себя пред тобой.
Вывраны волосы, сломаны кости,
былью предстала, больной наготой.

Глупая баба... Придуманый образ
был возведён божеством в образа.
Дробь барабанную слушая сто раз,
сквозь строй шпицрутенев шла, а не за...

Не закоулками, а буераками,
дебрями, лядами... Лягу в байрак
я чернозёмом... Поникшими кручами
будешь меня отпевать, как батрак

вечной своей пристяжной несвободы.
Полноте, где моя чёрная шаль?
Тем, кто не рядом, сонеты и оды
будут писать, продавая печаль.

И, спохватившись, когда уже поздно,
силою слова на плахе казнить,
падать у двери, у ног и позвёздно
соединять в Ариаднину нить...

Всё ещё грезится солнечным лучиком
образ, ушедший за Ирий давно,
как я с любимым, почти ещё мальчиком,
рядом сидела, обнявшись, в кино.

Найда

Я был как найденная найда...

Л. Колганов

1

Ты заполнил меня до краёв,
праведник мой – Иов.
Тебе я послана Богом
и стану твоим отрогом,
твоим исцеляющим эхом,
души бриллиантовым смехом;
силой любви моей
тебя заслону от теней
ведьм, упырей, вурдалаков
и падшего ангела страхов...

2

Тут – наш альков, не быть хуле,
ты – мой любимый.

Я обниму тебя во мгле
судьбы голимой.

Я отпою, я отопрею
своей болью,
что стала вечностью во мне,
моей юдолью.

И жизни минусы твои
во мне померкнут.

Ты станешь светом на земле,
мой вечный рекрут.

Мы освятимся под луной,
под небесами,
взойдя единою звездой
любви творцами...

Прости, измученная память...

1

Какое красивое слово – «февраль»!
Звуков округлость – как чувства вуаль.
И жаль! Ох как жаль, что февраль
забрал... Подарил... Вновь забрал...
Ах как жаль!

Он – словно сверкающий блеском хрусталь,
цветущий миндаль и зеркал вертикаль,
стоический рыцарь зимы – Парсифаль —
и жизни моей мой Священный Грааль.

И воеет, и бредит угрюмый февраль,
стомножит объятья тоски и печаль.
Не жаль... Ах не жаль... Но февраль
ужалил... Притих... Вновь ужалил...
Как жаль...

Альфреду Шнитке

Пустая комната...

Тень чёрная крыла рояля...

Пиявкою прилипший у стены,
оскалившись, на тему Доля
он извергал убойные лады.

Ряды

опальных некогда слияний

недружелюбных звуков

нынче слух

любил с восторгом изваяний,

укладывая пазл двух

сердцебиений

диких диссонансов

в гармонию,

в созвучие веков,

всё дальше отдаляя стансы,

и их величество романсы,

и потность париков...

Каков

держатель человеческих странствий,

и страсти,

и любви?

Какие корабли,

попав в ненастье,
нащупают в тумане край земли?
Сборник лауреатов премии В. Набокова
И этот стон, и вой —
сплошь ассонансы
плывущих по неведомым морям,
приверженных и якорям,
и дому, матерям
не шлют покоя,
и возлюбленным,
и брошенным,
изгоям...
Каким жестоким
кажется он нам!

3. Дракон

До поры до времени
спит во мне дракон —
аппетит немереный —
съеденных времён...

Съест он всех, неласковый...
И меня он съест,
если буду сказками
заполнять окрест

и плести «рассказочки»
о всемирном зле
у крыльца на лавочке
бабой «на метле»

или марши громкие
хором голосить,
свои связки ломкие
рвать, как жизни нить,

и, как пьяный дедушка,
с дуба на плетень
сиднем перевешивать
въедливую лень...

Спи, дракончик-душечка, —
чтоб тебе не встать! —
вот тебе подушечка,
вечности кровать.

4

Не о тебе моя печаль,
не о тебе мои молитвы.
Возьми подарки и отчаль
за сталь разрезавшей день бритвы,

за острії забытых слов,
за боль разрыва по живому,
за хлам разрубленных узлов,
за тень осколков... По былому

отвыла в зареве небес,
со мной отпевших умиранье
любви. А ты опять воскрес?
Как истукана изваянье,

маячишь в памяти. Сгинь в ночь
без погребенья и поминок.
Пусть по тебе прольёт из туч
Нефела⁸ несколько слезинок.

5

Прости, измученная память,
моё насилие над тобой,
набила столько всякой драни,
что стала драною сумой,

и, как в кумирню, напихала
божков земной величины,

⁸ Нефела – древнегреческая богиня туч.

опричь уважаемых мольфаров⁹
из постовой Галичины...

Приговорённая к погосту
извилин мозга, как сыскной,
ты рыщешь в закоулках косных
и подвываешь фистулой.

Безбожный прародитель мыслей,
в них боль достигла высоты —
бесплодное исканье истин,
бесполая, хоть дама ты.

⁹ Мольфар (укр.) — человек, который, как считается, обладает сверхъестественными способностями, знахарь, носитель древних знаний и культуры.

Заблудилось лето в осени

1

Лето заблудилось в сентябре.
Зелены сочные дубравы.
Осень на листках в календаре
отмечает летние забавы.

Лист не кроет землю. Не сквозит
ветер через щели голых веток.
Солнце, совершая свой транзит,
ластится с игривостью виньеток.

На душе – по-летнему уют,
беззаботной радостью сладкий,
только боль из сердца шлёт салют,
чтоб её услышал мой любимый.

2

Юрию Камышному

Первый ночной мороз,
а лето прощаться не хочет.
Оно ещё в сполохах роз
цветом ядрёным, как кочет

гребнем мясистым, тугим,
тычется в стылые краски
и почитает своим
солнца студёные ласки.

Лето не хочет принять
в краски любви и улады
осени жёлтую прядь
и угасание Лады¹⁰.

Скоро зима постучит
треском мороза... По блеску
вновь нарисует пиит
кистью художника фреску.

3

Глоток вишнёвого сока.
В нём вкус любви позабытый,
хмельной, за давностью срока

¹⁰ Лада – славянская богиня любви и красоты.

канувший в космос открытый,

пьянящий цветом рубина,
кровавыми бликами сердца...
Играй, душа-окарина,
тебе никуда не деться.

Тебе пить по капле влагу
глаз моих, в губы сухие
впитывать винную брагу,
солод и хмеля златые

сполохи вишни зимней,
падать в объятия стужи,
стряхивать с сердца иней.
Мне твой экстаз нужен.

Нужен в любви напевах
незатухающим пульсом,
лета и ягод спелых
неповторимым вкусом.

Страсти по Иосифу

Иосифу Бродскому

1

О! Как стало мне вдруг хорошо,
Безмятежно, спокойно, свободно,
Когда разум тропинку нашёл
К той душе, что металась бесплодно,

Билась уткой с подбитым крылом,
Ныла болью зубной беспрестанно,
Занималась пустым ремеслом,
Угождая немилому... Странно,

Как боялась она быть сама:
Одинока, забыта, раздета...
Ей казалось, что в тех теремах
Златокудрых, что высятся где-то,

Где народу полно, шум и гам, —
Там ей место — со звоном посуды...
Ведь она всем открыта ветрам
Нараспашку, с улыбкою Будды...

Но однажды ей будничность дел
Принесла откровенье в тиши,
Что болит одиночество тел...
Одиночества нет у души!

2

Я – эхо твоё, незабвенный,
Мне близкий, родной, понятный.
Пусть эха звук, может, невнятный —
С тобой становлюсь в нём счастливой.

Я – отблеск тебя, мой гений.
Что может быть лучше сей доли?!
И отблеск – по собственной воле,
Помимо чужих точек зрений...

Твоим сомыслителем радость
Себя ощущать – есть движение.
И, может быть, свой день рожденья
Я встречу ещё, а не старость.

3

*Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коль и была
промежду.*

<...>

*Только когда придёт и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

И. Бродский

Ты так пережил разрыв,
что не смог удержать порыв,
чтобы это не высказать вслух,
как гамбургский петух,
но которому «гамбургский счёт»
выставлен Богом. И вот,
ты не сумел обиды
сбросить с резца рапида и
уколол (не со злобой).
Но сегодня твоей иглой
(которой не штопают дыры)
прихвостни и простодыры
колют исподтишка
(у них-то тонка кишка).
А некие президенты
используют как аргументы
для личных сведений счётов,
науськивая идиотов,
потому что ты ныне тот,
на кого уже смотрит народ

с придыханьем и верой:
ты *теперь* стал для них эрой,
теперь ты для них стал Богом,
потому что делиться итогом
глупости нужно, конечно, с гением,
не обладая мнением
своим и свободой...

Объединённые же непогодой
блакитного неба атласа
вспоминают «брехню» Тараса,
а не Александра!
Удивилась бы Кассандра,
что ты — с гениальным оком —
не оказался пророком!

4. Страсти по Венеции

Зной (как среди песков Сахары)
дыханьем разогретых тел
подогревался и без пары,
не напрягаясь, буйно прел,

соединяя запах тленья,
морского бриза, пота псов,
испытывал домов терпенье
и обитателей дворцов.

По венам с жёлто-серой плазмой
в гондолах ёрзал сторяча
и ниспадал слезой алмазной
со лба до самого плеча.

Я с ним сроднилась, будто с духом
венецианских мудрецов,
и на фасадах зорким оком
искала взгляды праотцов.

И силуэт в гробах каньонов
мелькал обломком миражей,
отбрасывая тень поклонов
из окон разных этажей.

Совсем не это время года
владело северным волхвом.
И уж совсем не та погода
роднит Венецию с «Петром».

Хотя и тот и этот — камень,
но в обрамлении воды
закрылся плотным слоем ставень,
как в ожидании беды.

Столпотворенье Вавилона,
галдёж как в пятничный базар...
А в небе облако-икона
лучилось, как из тьмы квазар...

Мосты, мосточки, гроздь фонтана...
У той, у этой ли воды
гулял поэт?... У «Флориана»¹¹
свой счёт избранников судьбы...

Брег Сан-Микеле¹² – третий лишний
сей карнавальной суетни,
в могильные забился ниши
под звук цикадной стрекотни.

Покойный остров в жизни прений
стоит вдали, особняком,
и спит на нём мой светлый гений
под солнцем высохшим цветком...

¹¹ «Флориан» – самое старое кафе Европы (с 1720 г.). Его посещали многие известные личности, такие как Казанова, Хемингуэй, Байрон, Бродский и др.

¹² Сан-Микеле – кладбище, где похоронен И. Бродский.

Из цикла «Акафист жизни сидя»

1

Маме

Как я тебя люблю донныне!!!
Но ты меня любила больше —
величием Екатерины,
Мариной из шляхетской Польши.

Меня вложила в слоги ветра,
в слова морской волны и пены
Цвета-и-Евы, звоном плектра
Христовой святости Елены.

Ты изваяла мои думы
над коростенской стольной кручей,
как воплотила в сини громы
княгини Ольги стон дремучий.

Ты так меня любила сильно,
что удержала на обрыве
в тот день, когда петлёй могильной
смерть обняла в любви порыве.

2. Черешневый дождь

Светочке

Зацелованные солнцем
и обласканные ветром
сквозь листву, как чрез оконце,
тёмно-карие черешни,
как гранаты и рубины,
мне подмигивали оком
чернобровой, круглолицей
хохотушки-веселушки,
здесь гулявшей ненароком.

И веснушчатое небо
перемигивалось в лапах
близ живущей старой ели,
и накачанного дуба,
и калины крутобокой
по соседству... Опекали
плодовитую черешню,
орошающую землю
спелоягодным дождём...

Хроматика белой берёзы

1

Не бойся, твоей не возьму я свободы.
Боюсь я свою потерять.
Истёртые памятью прошлые годы
Оставили страха печать.

Оставили раны, рубцы и каверны
И пустоши прожитых лет.
Так пусть охраняет любви легковёрный,
Меня согревающий свет.

2

Жизнь меня своим катком давила,
Превращая в мертвенную степь,
Но твоя незыблемая сила
Мне не позволяла умереть.

Я, как будто дикая поляна,
Затерялась среди тысяч древ.

Ты меня, очистив от бурьяна,
Поднимал, как целину под сев.

Ты своей любовью запредельной
В то мгновенье, когда жизнь не жизнь,
Когда в петлю легче, чем в отдельной,
Но в пустой квартире (чур и сгинь!)

Выть анахореткою острожной
До захлёба сиплой хрипоты,
Ты дыханьем теплоты безбрежной
Наполнял бездонность пустоты.

3

Твоим закабалённая штрафбатом,
Привязана, придушена в углах.
И жизнь моя, как сумасшедший атом,
Взрывается на адовых колах.

И кол не кол – так, мерзкая заноза,
А ранит будто стопудовый клин,
И жизнь, как будто в облаке наркоза,
Застыла в спячке, как пустой камин...

И жизнь, идя хроматикой берёзы
По чёрно-белым клавишам доски,

Неясные неся метаморфозы,
Зажала нас в гремучие тиски...

4

Я попала в капкан...
И танцую канкан
От плиты до стола.
За партнёра – метла...
От стола до плиты...
Неужели и ты
Плитой неподъёмной
Придавил меня, одарённую,
И мне осталось скитаться
В пустоте по окружности пальцев?..

В ритме смятого сердца

1

Я, как невинная овечка,
себя за все грехи отдам.
Как парафиновая свечка
сгорел мой первый муж Адам.

Супруг, скажи: какой женою
была тебе тоска Лилит?
Какой драконовой пятою
разрушен наш уютный быт?

И почему при ярком свете
слепцом и нищенкой любви
бредёт впотьмах тысячелетий
живущий в мире?.. Се ля ви?

Ответа не дожидаться, видно.
Быть может, не дано любить —
лишь инфузорией фригидно
свой рыбий век глухой влачить.

Словно спрут океанный,
ты опутал меня.
Камнем лик окаянный
тонет в омуте дня.

И тону с камнем вместе
я в болоте скопца...
Обречённой невесте
не наденут кольца.

Не поднимут бокалы
за любовь «молодых».
Белоснежные каллы
заржавеют, как жмых...

В ритме смятого сердца
день бредёт в окоём,
ненавистная ржица¹³
зубоскалится в нём...

¹³ Ржица – дух, обитающий во ржи.

3

Быть может, я больше не встану,
как феникс, из пепла души.
Быть может, я кану в нирвану
иль адскую темень глуши.

Быть может, не пить мне хмельное
удушье из брачных оков.
Но я была рядом с тобою,
и нас обнимала любовь.

Украинская рапсодия

1

Я из мира сего:
я – из песен и мовы,
из цветов и листвы,
вышиванок и лент,
из вишнёвого сока
и яблок медовых,
из росы на лугах
и тумана у рек.
Я – из хлеба ржаного,
щедрот каравая,
из истории пращуров
вольных кровей,
из воды родниковой
Полесского края,
украинской земли
незасохших корней!

2

Нёс меня чёрный конь в Украину
в триста сорок сил лошадиных.
С каждым пройденным километром
и в окно залетавшим ветром
силы множились. Без усилий
колёса метры косили
по дороге до Рідної Неньки...
Плескал из небесной крынки
астрального мира пеан —
млечной россыпью звёзд океан.
Будоражили космос ночи:
«Я так хóчу», «Зелені очі»,
«Відпусти», «Вище неба», «Без бою» —
я желала напиться судьбою,
повторяя стократ вокализы
океана имени Эльзы¹⁴!

3

Украина моя песенная,
твои птицы лишились голоса.
Ты покрылась серою плесенью
и в тенётах завязла до пояса.

Бьёшься в гнетущей трясине,

¹⁴ «Океан Эльзы» – украинская рок-группа.

не вырвешь никак своё тело.
Из петли на хлипкой осине
хрипит то, что раньше так пело...

Ты стала такой же безликой,
как весь ширпотреб монотонный.
Сверкаешь ещё базиликой,
но больше – потальной короной.

Удел твой, моя Украина, —
блистать бриллиантом Мира.
И голосом тихим, но твёрдым
восславит тебя моя лира.

4

Дом ещё живёт и дышит
Ранним утром акварельным,
Сном таинственным под крышей
И томлением пастельным.

Ещё бури и прибои
В нём бушуют, как и прежде...
Только жёлтые обои
Как потёртые одежды.

Только трещин паутина

Расползлась по штукатурке
И в пруду заросшем тина,
Словно бархат на шкатулке.

Малахитовая зелень
Обнимает дом снаружи,
Зев оконный в нём побелен
Отпечатком нежных кружев.

И пока в нём бьётся сердце
В ожиданье блудной дочки,
Я сюда приду погреться
И плести из слов веночки.

5

Украина моя песенная,
я с тобой! Ты со мной как Бог!
Очищаясь от серой плесени,
амнезии подводишь итог.

Видно, надобно было разбиться
о глобальную серую мель,
чтобы новой строною родиться
на Майдане под дождь и метель?

Я с тобой, моя Ненько співуча¹⁵,
отстояла свободы пядь.
Моё сердце с тобой неразлучно,
даже если б сказала: «Распять!»

¹⁵ Співуча – певучая.

Параллели

1. Красные маки

Красного мака кровавый цвет
на фотографии, присланной другом,
будто усмешка, от Марса привет
с поля, где смерть пропахала плугом.

Ах, полевые цветы,
разве вы в том виноваты,
что окропляете кровью ланы,
а не цветёте у хаты?..

Линия фронта по сердцу прошла
и раскроила живых по живому.
Падают, падают скорби слова
пеплом стихов опустевшему дому.

Ах, жгучей правды слова,
разве вы в том виноваты,
что головешкой торчит голова
белой криницы у хаты?..

Красные маки родимой земли

не перестану до смерти любить я.
Алым цветком, где сыны полегли,
встанут стеной из могил мои братья.

Ах, полевые цветы,
разве вы в том виноваты,
что окропляете кровью ланы,
а не цветёте у хаты?..

2. Ушедшие в Ирий

Незабудки-синеглазки,
как из выдуманной сказки...
Как из дьявольской легенды,
где в избытке чёрной краски...
Незабудки-синеглазки...

Незабудки-кареочки
из той – невозврата – точки,
за которую в ненастье
ушли верные сыночки...
Незабудки-кареочки...

Незабудки – чёрны очи...
Звёздами с покровом ночи
смотрите с небес на Землю,
корчащуюся от порчи...

Синеглазки, кареочки, чёрны очи...

3. Параллели

В лоно мягкое южной ночки
погружает свой стан Тель-Авив
в облаков кружевной оторочке
под игривого плеска мотив.

Созерцать с высоты панораму
вышел в небо солист Орион.
Начал, выплеснув звёздную гамму,
репетировать арию он.

Через год, через пять, через сотни
будет реквием петь в эти дни
над Небесным Созвездием Сотни
Украинской Свободной Земли.

Мысли скрещивают параллели
в безмятежном покое небес.
Обнимают скворцы-менестрели
их дождавшийся пальмовый лес.

Рдеют неба свекольные щёчки
в предвкушении неги и сна,
наливаются силою почки —

с нетерпением любви ждёт Весна.

Украинский мотив

1

Кровью моей стали два цвета:
солнечный **Жёлтый** от щедрого лета
с хлебами и хмелем, от золота Лавры,
тот жёлтый, как мёд, как степные пожары,

и жара Стожара, Луны окаянной,
в ночной бесовщине разгульной и пьяной;
и цвет **Голубой** – от весеннего неба,
от льна голубого – полесского хлеба,

от голубя воли, свободы и мира,
от синего моря у Южной Пальмиры,
от света далёкой звезды одинокой,
что ярче всех звёзд той страны синеокой,

бездна которой, с рассветом бледнея,
цветёт синью нежной. Лазурная Гея
глядится в надзвёздные сферы зеркала —
в ней крови двухцветной исток и начало.

2

Когда б смогла я написать стих, но
на моей рідній **українській** мові,
я б написала: мы тогда народ,
когда воспрянем с украинским словом.

Я бы сказала: мы тогда страна,
когда, владея мовой соловьиной,
прославим нашу Неньку, имена
семьи радушной, вольной и единой.

Вам говорю на языке чужом,
но из души – звук песен Украины...
Воскресни, Мово, и лунай дзвінком
в сузір'ї мов – Великої країни!

3

Мне бунтарство моё —
что бродяге похмелье...
Разрази душу, гром,
в семикомнатной келье!
Разрази душу, смерч,
и раздай подаянье:

всем сестрам – по серьгам,
а иным – покаянье!
Разорви душу, медь,
подними всех усопших,
примилив на земле
и «плохих», и «хороших»!
Не зови умирать
троеперстною дланью.
Усмирив смерти рать,
призови к покаянью.

Перезвоны

Валерию Гаврилину

Звоны, звоны, перезвоны...

Звон души, как звон Руси,
перед смертушкой иконы
над народом пронеси,

перестук зон соловецких,
мертвецов могильный стон
и тюремный лязг советских
обескровленных времён...

Вновь, как лёд по рекам вздутым,
лом пойдёт по всей земле,
боль разрыва, буря смуты
и хрипение в петле...

Будут рвать её потомки
бунтарей и быдляков
на бурлацкие котомки
и на лязганье оков...

Этот лязг Руси Великой —
Ярославны плач извек —
понесёт в строю безликом

умерщвлённый человек...

Ведь я была тобою так любима...

Памяти Михаила Бендерского

1

Из чулана на заплечье
Прошлое зовёт на встречу,
Ходит под руку со мной
Чернотропом, как конвой...

Воском от мадам Тюссо
Крутит память колесо...
И ни выбросить, ни сплавить,
Ни убавить, ни прибавить...

Прошлое – оно как есть:
В нём и совесть, в нём и честь,
И слабинки, и грехи
Так и просятся в стихи.

Так и просится на волю
Прошлое из шкафа молью,
Перетрусской, перетяжкой,
Дыркой, длинною затяжкой...

Но в душевной канители,
Сидя у моей постели,
Греет сон своей любовью,
Наклонившись к изголовью...

И за то, что, взяв за плечи,
Не лишает дара речи,
Как язычник или гой,
Заклинаю: будь со мной.

2

*Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина?..*

И. Суриков

Тонкоствольною рябиной
Ты воскрес у входа в дом,
Той, что к дубу перебраться
Не могла... (Ты пел о том.)

Пели мы с тобой дуэтом
О разлучнице-судьбе,
Обнявшись, не зная при этом,
Что пророчили себе,

Что рекой широкой станет
Смерть... Ты с нею обвенчаться
Поспешил, а мне осталось
«Век одной качаться...»

3

На Ивана на Купала
На воду слеза упала...
Заблудился мой веночек
В ожерелье одиночек...

Зацепился лентой синей
Он за веточку осины,
Алой лентой – за корягу...
С милым я в постель не лягу...

Заплутал за камышинкой
Лентой белой, за кувшинкой
Жёлтой бессловесной речью...
Милого я здесь не встречу...

Лента красная над бровью...
Искусала губы... Кровью
По реке плывёт веночек
К берегу, где мой дружок...

4

Ты так (!) любил в ту ночь, как никогда:
Беспамятно, бесстыдно, безрассудно!
Как будто знал: уходишь навсегда
И дату знал – носил с собой подспудно.

Я признавалась в каждый мой приезд:
Ты мог вскочить совсем не в тот троллейбус,
Сойти на остановке, где разъезд
Развёл бы нас, как горизонты глобус.

Не захотеть найти меня в стенах,
Тебе и мне столь близких и желанных,
Не разглядеть в толпе на островах
В потоке лиц – и ярких, и жеманных...

Себя представить даже не могу
Я без тебя в те лета золотые.
И как жива осталась в том году —
Об этом скажут волосы седые

В мои неполных тридцать сочных лет...
Как обломала крылья мне судьбина!
Оставила несломленным хребет —
Ведь я была тобою так любима!

5

*Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.*

С. Есенин

Я тебя не разглядела до конца.
Мне для этого понадобились годы...
Без участия третьего лица
Я б не знала, что мы антиподы (?)...

Без участия третьих «добрых» лиц,
Запряжённых в блок вуайеризмом,
Не прочла б исписанных страниц,
Вырванных из жизни катаклизмом...

На ходулях – острых каблуках —
Прошагала б к острию карьеры.
Словно Старый Томас, на ветрах
Головой крутила бы без меры...

И, как деловая стрекоза,
Крыльями махала бы и пела...
И не разглядела б до конца,

Что в судьбе сокровище имела!

6

Утонули ножки
В желтизне листвы
Парковой дорожки.
Не видны следы

Тех скамеек брошенных,
Где в лучах Гекаты
У кустов взъерошенных
Целовал меня ты,

Где шептал на ушко:
«Будь женою мне,
Другом, не игрушкой,
Солнцем в светлом дне».

Предложил мне руку —
Приняла кольцо...
До сих пор на сердце
Грею письмецо...

Уж не буду плакать
Над судьбой своей,
А приду к скамейке,

Посижу на ней...

Разлад

1

Падаю с той высоты,
куда обречённо ползли поневоле,
в беспутность, на дно суеты,
в морщины земли... Измождённое поле
голёхонько... А седина
стерни прикрывает небритой щетиной
каверны и язвы; она
не мудрствует шелестом силы интимной.
Над нею кружит хоровод
слабеющих в небе сияний зарницы,
как будто, свершая исход,
он ставит печать на последней странице.

2

А в голове роятся мысли,
как за шкафами тараканы...
Они озвучивают истин
несуществующих обманы.

Несуществующие боги:
как факт – смирительные тоги
и усмирительные¹⁶ нормы
как людоедские итоги...

И мыслей жель¹⁷, перетекая
из треугольников в квадраты,
приобретает холод Кая,
и льдов несчитанных караты,

и резь, и боль кровопусканья
из-под гвоздей распятия ржавых,
и панихиду отпеванья
под гогот истеричек бравых,

и обвивает шею плетью
из трав, утопленниц томящих,
и, прячась в подполе, под клетью
куёт калек живородящих...

Я эту муть верну обратно
к истокам мерзости обвальной,
пошлю приветствие приватно

¹⁶ Усмирительные – от слова «мерить».

¹⁷ Жель (Жля) – образ женского доброго божества, символизировавшего выражение сочувствия, сопереживания, сострадания, смертной печали и скорби по умершим. Печальная женщина неземной красоты, одетая во все черное, – вестница смерти.

всем для молитвы поминальной,

туда, где выросшие в сраме
погрязли в нечистотах мира.

Я выстою: в подлунном храме
мой ангел зрит, чтоб пела лира!

3

Ветра зубастая грива
травы полощет игриво
в омуте... Голая ива

бросила платице наземь,
кинулась в воду в экстазе
с берега. Будто в проказе

небо. В нём тучи-наброски —
грязные пятна извёстки.
Грома удары хлёстки!..

Рванными бабьими юбками
тень от ореха... Обрубками
падают ветки хрупкие!!!

Рвётся, клоочет бездна!!!
Падает, корчась, с небес на

землю... Сама с её дна
я себя достаю...

Подведение черты

1

А у нас с тобой затишье.
Между нами вновь ничья...
Я шагаю еле слышно
В одиночестве дождя,
В одномерности незримой,
В невесомости пустой,
Единицей, не коримой
Ни другими, ни тобой...

2

*О вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»*

М. Цветаева

Вчера ещё тебя ждала,
Твой поцелуй, твои объятия.
А нынче взгляд свой отвела:

В нём холод неприятия.

Ни пульса, ни слезы во сне,
Ни сока сада спелого...
Мой милый, что ты сделал мне,
Что я – окаменелая?

Любовь – подарок дорогой —
Не каждому дарована.
Мой милый, сделал что со мной,
Что я разочарована?!

3

Небо чистое, как слеза,
Как бывают твои глаза —
Озёр голубей...
Полёт голубей,
Виденье стрекоз —
От боли вчерашней наркоз...

Душу пробило свинцом —
С языка твоего словцом —
Тетивы лука...
Слезой от лука
Умыла лицо?..
Снимала с пальца кольцо...

4

Я пыталась воскресить судьбу,
Возрождая внешние приметы,
Не учтя душевную борьбу,
Введшую на образы запреты...

И подмену распознала вмиг —
Только лишь соприкоснулись души...
Добровольно выбрала постриг,
Заточенье на клочочке суши...

И постилась... С горечью потерь
Разделяла жизнь на До и После...
Прошное за мной закрыло дверь,
Будущее – не открыло вовсе...

Схиму одиночницы носить
Больше не желала – без зазрений
Я судьбу пыталась воскресить,
А она не терпит повторений...

Распутица

1. Последствия прогулки по «Пьяцца Маттеи»

*...усталый раб – из той породы,
что зрим всё чаще, —
под занавес глотнул свободы.*

И. Бродский

Я – свободна!

(И этим, очевидно, угодна.)

Не надо бегать по магазинам, как злая сучка.

Карандаш долговечнее, чем авторучка

И холодильник, чрево которого не унять...

Не нужно в очередях стоять,

Чтобы вырвать чужое счастье,

Пусть даже на размер меньше или больше,

Что было лучше, потому что носилось дольше.

Ища выключатель, ощупывая стенку,

Как чей-то муж под столом чужую коленку,

Не нужно сомнамбулой впотьмах блуждать,

Чтобы успокоить ребёнка.

Сегодня не знают уже, что такое пелёнка

Со следами детского поноса...

Прилипший к руке навсегда уют

С вертявыми движениями гадюк

Уже не имеет такого спроса.

Не нужно стоять у плиты —

Доменной печи,

Да так, что вспухшие плечи

Уже не плечи,

А калачи

Или вздутые булки...

Сегодня у меня сплошные прогулки.

Свобода!

Вопрос лишь — какого рода?

2. Praeventus¹⁸

Распну себя, чтоб не распяли

Моралью ханжеского «шика»,

Мечтой святош об идеале,

Читая стих «святого» лика.

Грешна, и грех даёт мне силу

¹⁸ Praeventus – «упреждённый», предупреждающий, опережающий.

(Хотела быть святой, безгрешной,
Но это значит – лечь в могилу).
А я желаю быть успешной.

А я желаю жить наотмашь,
Обнять весь мир любви крылами
И недвусмысленности роскошь
Поднять на щит, как жизни зная.

3

Обрамляют июль георгины,
Медяки собирают деревья,
Завлекают кораллы рябины, —
Ранней осени признак преддверья.

Лето юное только зарделось,
Заманило своим ароматом,
Только птичье казачество спелось —
Осень ранняя просится сватом...

Незаметно крадётся по плюшу
Мха болотного ягодой спелой...
Осень ранняя просится в душу —
Я её не пушу дальше тела.

Зайди ко мне, мой друг, на огонёк.
Из прошлого припомним только радость.
Неправду говорят, что одинок,
Кто перешёл из молодости в старость.

Что – старость? Опишите её мне!
Когда душа волнуется при встрече,
Когда глаза и щёки как в огне —
Вмиг распрямляются и сгорбленные плечи!

Что старость – неумение любить?
Застиранные чувства на подушке?
Мысль – на погосте место застолбить?
Хандра беззубая? Пилюли, как веснушки,

Рассыпанные в баночки? Зевок
Скучающий: причудливое пресно...
Так в молодости, впрочем, одинок,
Кому на свете жить не интересно.

Лет благосклонность – в серебре седин,
(Их проба в жизни очень высока),
Есть недостаток только лишь один,
Как и у молодости: слишком коротка.

Обиды не помню. Сама обижала,
Колола словами большее кинжала...

Отмщенья не надо – жизнь так отомстила!
Такого бы и для врага не просила...

Со злом и с добром всех, кого вспоминаю,
В незримых объятьях к себе прижимаю:

И бывших, и будущих, и настоящих,
Роман под названием «Жизнь» мне дарящих...

Созвучие диссонансов

1

Подпирая зрачками небо,
распластавшись в узоре квадрата,
в геометрии лунного света
вычисляю наличие собрата.

И не так уж чтоб мне одиноко,
не сказать, чтобы было мне грустно...
Но моргало небесное око:
«Свято место не должно быть пусто».

Где живёт вот такой же отшельник?
Я его призываю в созвучье.
Может, он и не мой современник,
а из расы, ушедшей в затучье

в те далёкие годы парадов,
когда глину с адамов месили,
когда жатву с роскошных парадных
вероломы и голод косили?

Посылаю сигнал соплеменнику —

по морфеме и книжному хрусту
мы друг друга найдём, поелику
свято место не должно быть пусто.

2

Мелá песчаная позёмка...
У моря пляжные зонты
приспущены... как на поминках
просторы мрачны и пусты.

Купель бугром кофейной пены
вскипает, выплеском грозя
смыть, не скорбя, столбы и стены,
где мной утоптана стезя...

Но жизни оторопь нечасто
сей посещает уголок
в созвучии с души ненастьем,
заиливая бурность строк.

Тревожный день слезой горючей
притушит пекло, что во мне
терзает дух змейей гремучей.
Конец всему есть на земле.

О Боже правый! Ты – щадящий,

закаливая нас, как сталь.
Всё в мире этом преходяще —
и боль, и радость... и печаль.

3

*В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.*

В. Маяковский

Мне чужие зачем перемалывать дни —
обличать, поучать, негодуя?
Напишу о себе, как искала огни —
во, танцуя на углях изгоя...

Экзистенция, самость... И как там ещё
Кьеркегор описал мою сущность
или существование? Боль занесёт
в книгу Красную счастья наличность.

В чём прокол, перебор, в чём планиды прикол?
Будто сердце жмёт в жёсткой ладони
парафраз этих строк; как пощёчины звон

мой вечерний сюжет на балконе.

Забуревший заката карминовый плед
(не занесенный в Красную книгу!)
кроет тщательно краповый солнца берет,
как косарь в полотенце – ковригу.

Нынче – вакуум. Даже комар не зудит.
Море с небом слилось в поцелуе.
Ну а будет земля из-под ног уходить —
ей отправлю вослед: «Аллилуйя»...

4

Ель ветвистая, ель лапастая
приютила берёзку юную...
Опускалась темень лобастая
на речушку гор многострунную...

Цельнолитая и многопадная,
испытывшая засуху века,
пережившая голь перекатную,
серебрилась журчанием смеха,

искромётной пречистойю синью.
Я смеюсь с ней над вымыслом фальши,
пролетая крылатою тенью

за потоком всё дальше и дальше...

Зачерпну хрусталя в ковш ладони,
окачу всю себя с головою,
преклоню пред Величием колени,
наслаждаясь живою водою.

Напитаюсь магической силой,
захмелею от волюшки-воли —
необъятной, и грозной, и милой,
от щемящего счастья до боли...

Вернисаж

1

Робости па, будто в дни гололедицы
Шатко скольжу – в такт скрипят половицы.
Смотрят немеркнувшим взглядом портретов,
Дыханьем пейзажей, меню натюрмортов
Со стен нарезные квадратики жизни
Застывшей навеки янтарной смолой,
Не ведавшей боле роли иной...

2

За кисти порханьем влачатся мазки —
Что рыбные стаи селёдки, трески,
Как старого тына колы – вкривь и вкось,
Как оперенье – перьями врозь,
Клочьями пятна, размывы, мазня —
Блужданья затейливой музыки
Не терпят закрытые шлюзы...

И так эти символы хороши,

Когда на холсте чьи-либо карандаши
(В отличие от жизни полотен,
Чей стиль безысходностью плотен)
Способны влюблять, вдохновлять, окрылять...
О! Сколько оттенков в них счастья —
Амброзии душепричастья.

3. Натюрморт

Чашечка с узенькой талией,
Будто матрона в Италии,
Изыскана и строга.
Ручка – с размахом кометы,
Словно над ликом портрета
Вскинута брови дуга...

Пышные чресла – на блюде.
Нежными фалдами гнутся
Блюде и чашки бочок...
На дне «близнецов королевских»¹⁹
В сомнении доводов веских
Спешу полоскать зрачок.

Для теургии кофейной
Гадалки прибор трофейный —

¹⁹ Королевские близнецы – разнополая двойня.

Подручный набор простой...
В коричневой патине гуши
Пытаются высмотреть куши
Анима, анимус мой.

4. Темпера

Дождь хлестал, словно пьяная баба
По щекам, как в истерике драки...
По стеклу, будто щупальца краба,
Расползались водные знаки...

Ночью тёмной, той ночью ненастной,
Когда пса жаль прогнать за ворота,
В половодье мечты распрекрасной
Родилась соло тихого нота!

Не страшась завывания смерчей,
Не склоняясь пред громом литавров
Разъярённой Валькирии, род чей
Обречён был кольцом Нибелунгов,

Она зрела, взбодрённая словом.
Её голос нуждался в просторе.
Она крепла в стремлении смелом,
Дабы петься аккордом в истории!

5. Коллаж

Вечер после бури оголтелой
Нежной тишиною упивался,
На закате тенью пышнотелой,
Розовым сиропом растекался...
Как эскадра кораблей на рейде,
Отдыхали мокры-баррикады —
Отражать заморские набеги
Нынче им не надо, хоть и рады
Защищать сородичей глазастых,
Что стоят у самой кромки моря...
(За окном сегодня день ненастный,
Громяхают грозы, с небом споря...
Вспомнился мне день перед отъездом,
Как его я в вечер проводила...)
Выпавший из облака с разрезом,
Как яйцо большого крокодила,
Солнечный желток упал на камни,
И глазунью вмиг слизали волны...
Закрывало небо на ночь ставни,
Звёзд на волю выпуская сонмы...

6. Зимние фрески

Фреска первая

Я топтала снег, зимнюю красу.
Ветер снежный вихрь заплетал в косу.
Ледяной дугой, мертвенным рубцом
Замерла река под моим окном.

Забелился лес пылью пуховой,
Замесился блеск сахарной канвой...
Пролилась на луг, пролилась на дом,
Понеслась пургой на опухший холм.

И стонала зло в темноте ночи,
Завывала псом в кратере печи,
Так металась вдоль-поперёк пути,
Будто на земле места не найти.

Фреска вторая

*Не слишком ли я зиму воспевал,
Любуясь безупречной белизною?*

В том царстве Снежной Королевы
Застыло тело, чувства, кровь
Окаменевшей страстью белой,
Как белоснежная любовь —

Оледенелый признак жизни —
Скол, оттенённый синевой,
Так идеален, так возвышен,
Как нам хотелось бы с тобой.

О совершенство без помарок —
Мечта с отдушкой мертвяка...
Любви без множества поправок
Прописка в сердце ледника...

Круговорот

1. Осень

Уж сентябрь на носу!
Осень потчует нас у
Огорода, как товарка...
Рдеет зубчатая арка —
Красный бор...

Суетливо на перроне...
Стало хлопотно вороне:
Ареал заметно пуст...
Водрузила чёрный бюст
На забор...

2. Зима

Уж декабрь на посту —
По ледовому мосту
Ходит взад-вперёд без толку,
В дом забрался втихомолку,
Словно вор...

Всех давно уgomонил,
Хрустом снега упредил
Пуск мороза-президента:
Опоясывает лента
Даже сор...

3. Весна

Расчищает полосу
Март для взлёта... На весу —
С виду дудочки-бурульки —
Рассопливились сосульки
В соль минор...

Так расплакались, как дети!
О неведомом им лете,
О Купаве, Берендее,
Леле пламенном их греет
Разговор...

4. Лето

Червень бьёт в колокола!
Ни двора и ни кола

Не построили кукушки —
Облапошены пичужки,
Как Егор...

Босоногая Ассоль
Напевает: «Ре-си-соль...»
Алый парус ожидания
Не обманет, коль желанья
Выше гор.

5. Круговорот

Внеземной круговорот
Не завязнет у ворот,
Не буксует на подъёме,
Не торчит в дверном проёме,
Не сидит у магазина,
Не завалится в трясину
И не дремлет, как Трезор...
Кру́гомзор!

Осенняя канитель

1. Бабье лето

Губы алые, форма листиком,
Зацелованы ими леса...
В гриве зелени машет хвостиком
Девы-осени жёлтой коса.

Сарафан на ней – расписной наряд,
Краски золотом опалены,
Да в кокошнике, где узоры в ряд
Тонким серебром окаймлены.

Как же короток век твой, девица, —
Уж последние дни любви!
Так целуй с огнём – и метелицу
Раньше времени не зови.

2

Поразвесив везде гамаки,

Как, бывало, бельё для просушки,

Оплели вид в окне пауки,
И траву, и деревьев верхушки...

И сверкают, как на Рождество,
Паутины-гирлянды на ветках.
Предвкушая своё торжество,
Разместились в уютных беседках

Жемчуга искромётной росы.
Не для них душеловные снасти
Приготовил, погладив усы,
Паучок в ожидании страсти...

По ночам, совершая обход,
Разбросав разноцветные прядки,
Днём мороз, замедляя свой ход,
С бабьим летом играет в прятки.

3. Колдунья-осень

Когда в дни редкого затишья
Замолк разбойный ветра свист,
С колоды падают картишки:
Кленовый пик, червовый лист —

Гадает вечная колдунья —
Судьбу, что знает наперёд,

Осветит правдой полнолуныя
И с правдой истинной умрёт...

Сгущая небосвода сень,
В момент досуга-ассорти
Картинки складывает осень
Из разноцветных конфетти...

Возвращение

1

Из-под ног вспорхнула птица,
понеслась в далёкий край.
Помахав крылом-ресницей
на прощанье над криницей,
растворилась... «Передай, —

ей вдогонку я шептала, —
скоро следом прилечу».
Пару слов пока сметала...
Любоваться не устала
я окрест... Ещё хочу

напитаться ветром сладким
и морозцем поутру,
Звёздным кровом дивно гладким
дорожу, как счастьем кратким...
Может быть, не по нутру,

что теперь без сожаленья
я, оставив тёплый брег,
без бывшего вожденья,

без восторга и раденья
возвращаюсь в лоно нег...

2

Домой возвращаются птицы.
Стрелой прорезая леса,
от счастья, как молний зарницы,
с небес их летят голоса.

Ожившие риги и гумна,
кошары, вихрастая тень
махровой накидки каштана,
кудрявая, в буклях сирень —

всё сердцу до боли желанно.
И крик нестерпимо родной
гусяного братства: «Осанна!!!» —
парил над моей головой.

Душа обрела крылья птицы,
и клёкот, и щебет весны.
Ей вновь захотелось влюбиться
и видеть блаженные сны.

Марк Бойков

Бойков Марк Васильевич. Родился 12 сентября 1938 г. В

войну воспитывался в детдоме с. Писцово Комсомольского р-на Ивановской области. Учебу начал в г. Иваново в 1947 г., будучи взят в семью отца, инвалида войны I гр., и его жены, медсестры, мачехи для меня. В 1950 поступил в Горьковское суворовское военное училище, которое в связи с переводом в Москву окончил в 1958 г. и был направлен в Одесское высшее общевойсковое командное училище, из которого в 1960 г. был демобилизован по состоянию здоровья.

Профессиональное образование получил на философском факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1961-66 гг., троекратно пройдя защиту диплома на весомую тройку по «Проблеме партийности в условиях социализма». Работал в последующем преподавателем философских дисциплин в вузах Волгограда и Москвы.

Воспитал сына, подрабатывая дворником, за что по случаю празднования 850-летия Москвы был отмечен правительственной наградой «К 850-летию г. Москвы».

«Экономическая и философская газета»:

В 5-м номере за 2008 год газета «АиФ» открыла на своих страницах «новый интеллектуальный проект: КАКОЙ БЫТЬ РОССИИ?». Широкую дискуссию. На сакральный вопрос. С помпой. Дискуссию открывал (по предложению самой редакции) Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН, статьей «ЧТО НАМ ПО СИЛАМ».

Что тут скажешь? И дискуссия хороша. И автор знаменит. Мы могли бы добавить только, что именно на эту и близкие ей темы наша «ЭФГ» ведет непрекращающийся аналитический поиск и разговор со дня своего основания. Подтверждением тому явилась попытка одного из наших авторов принять участие в дискуссии «Аргументов и Фактов».

И это не постыдно. Ведь в конце концов, если это дискуссия, а не агитационная шумиха, то она-то и нужна, чтобы лучше что-то уяснить, не затягивать проблемы в тугой узел, найти перспективные решения. И в ней неизбежно различие точек зрения. Редакция выделила слова А. Солженицына: «Если мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах», – и объявила свои страницы открытыми для всех «неравнодушных к теме». То есть «АиФ» пригласила к дуэли, но... печатает только «своих». Гайдара, Ясина, например, и др. Так же, если кто помнит, успешно дискутировали номенклатурные коммунисты. С заведомым для себя результатом.

Помня обо всех читателях разных пристрастий и интересов, но живущих в общей стране, «ЭФГ» решила подключиться к объявленной «АиФ» дискуссии, открывая ее той самой статьей, которую она молчаливо отвергла, даже не поблагодарив автора за отклик.

О пути России

(ответ на предложение

«АиФ» № 5, 2008)

Вот уже второе столетие, как Россия прошибает лбом завесу будущего. Ее самобытность не в особом пути, якобы предначертанном с языческих или монархических времен. Задержавшись на старте, по полной пройдя общеположенные версты (крепостничество и буржуазный подъем), она с начала XX столетия вошла в мировую историю как разведчик всеобщего развития со всеми присущими этой роли неожиданностями (революция, гражданская война, НЭП; упоение строительством: индустриализация, коллективизация, культурная революция; упоение властью: тоталитаризм, репрессии; далее – Великая Отечественная, восстановительный период, попытка коммунистического взлета). При всем этом – высшая научность философско-нравственного обеспечения и подлейшие, без обратной связи, способы управления. Любой стране всего этого хватило бы, чтобы умереть, исчезнуть, раствориться.

Но мы не умерли. Бьемся в конвульсиях, сопротивляемся обратной тяге, когда подпитанные извне и из прошлого враждебные силы кружат над нами, захлестывают, злобствуют и упиваются якобы достигнутой и окончательной побе-

дой.

Может, и в самом деле лучше отказаться?.. Можно, конечно. Но когда разведчик погибает, гибель грозит всей армии. В нашем случае – человечеству. Мы ведь не только разведчики, но в некотором смысле и спасители. По призванию, с одной стороны, и по таланту – с другой. Именно наш отказ-отречение будет означать смерть. И не только нашу.

Особенность нашей биографии в том, что у нас не было времени осмотреться. Призыв «АиФ» симптоматичен. Это очень нужно нам. Но не властям: им всегда все ясно и у них всегда все правильно. Потому что у них всегда все есть.

А ведь ростки уже были. Но их не заметили. А сегодня они потоптаны, смяты. Суетной стяжательской беготной взад-вперед, вкось и поперек, наперегонки. Но подняться они все же смогут. Эти люди еще живы, они осматриваются. Рождаются новые.

Впервые о них заговорил в конце 50-х В. Дудинцев в романе «Не хлебом единым», а потом напомнил своим фильмом С. Говорухин. Это – РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ и ИЗОБРЕТАТЕЛИ.

Кто они такие? Почему вообще появились? Нужны ли они? И зачем, если есть ученые, всякие там науки, супернанотехнологии? Какова их роль в жизни общества? Ведь за чем-то же они нужны, раз появились.

В предвоенном 1940 их численность составляла 526 тыс. человек, в послевоенном 1950 – 555 тысяч. А уже через де-

сять лет, т. е. накануне программного строительства коммунизма – почти два с половиной миллиона (2431 тыс.). Перед пресловутой перестройкой – около 14 миллионов (данные ЦС ВОИР того времени).

Разве не поразительно?! Вдумайтесь: если прежде все известные классы в обществе формировались тысячелетиями и столетиями, то новый слой в СССР буквально за три с половиной более-менее спокойных десятилетия, сложившись, превратился в мощную подвижническую силу, роль и значение которой значительно превосходят ее численность.

И вот опять все перекорежившая, все сломавшая выходка сверху – перестройка. А затем – либерализация. Ну что у них там зудит? Что за нетерпезж? Всё след свой хотят оставить в истории, перегибая и ломая страну через коленку.

Давайте наконец спокойно разберемся, что же собой представляет опыт России в общеисторическом развитии человечества. Без патриотических слюней, либерального визга и псевдокоммунистического догматизма.

Причины больших событий вызревают долго и мучительно. Россия так натерпелась от крепостничества, что буржуазная перековка ее населения быстро избавила его от иллюзий и надежд, дав понять, что новый эксплуататор ничуть не гуманнее своего предшественника. И в 1905 восстали рабочие, выходцы из деревень. А в 1917 – военизированное в мировой войне крестьянство и уже сложившийся в столицах пролетариат. Революция была неизбежна, и она не есть больше-

вистский переворот. Она не выдумка, а следствие.

Она – естественный результат и неоспоримый факт. И хватит ломать копыя. Она свершилась, чтобы через протест идти к улучшению жизни. Так свершаются все революции, в том числе и наша, ближайшая, в 1991 году, названная номенклатурными демагогами «контрреволюционным переворотом», но которая по своим целям и участникам была элементарно народно-демократической, при поддержке огромной массы настоящих коммунистов, без чего она попросту не победила бы.

Революции свершаются не только против чего-то, но и ради чего-то. То, ради чего свершилась Великая Октябрьская, открылось, в силу перегруженности нашей истории долгими и тяжкими испытаниями, с превеликой, в несколько десятилетий, задержкой. И признаком этого позитивного смысла явилось именно зарождение никем не планируемого, непредвиденного массового рационализаторского и изобретательского движения, которого до этого нигде, ни у какого народа и никогда в таком масштабе не было.

Смысл этого позитива чрезвычайно прост. Мало изъять сами по себе устаревающие средства производства из собственности капиталистов и помещиков. Важно развивать их впредь, дальше и непрерывно. Мало также смысла и в самой революции, если на себя после нее людям приходится трудиться с большим напряжением и износом, чем на капиталиста и помещика. Общественная собственность породила к

себе творческую активность масс.

Революция поэтому не просто протест, но и введение в новую историческую задачу: от экспроприации средств производства перейти к их непрестанному совершенствованию и обновлению – соответственно, от физического, изнурительного труда работника переходить к развитию и использованию его умственных способностей и творческих дарований. Именно такой труд не только «сберегает народ» (термин А. Солженицына), но и развивает его, поднимая на новую высоту человеческой субстанциальности и ценности. Труженик оказывается способным к деятельности, которая прежде считалась исключительной привилегией господствующих слоев и классов.

Но в какое положение были поставлены новаторы правящим чиновничеством в СССР? Они были вынуждены обивать пороги бесконечных инстанций, прося хотя бы даром взять идею ради пользы дела. Способствуя повышению производительности труда («самого главного – по определению Ленина – для победы нового общественного строя») в десятки, сотни, тысячи раз, они встречали глухое сопротивление руководства, предпочитавшего повышать нормативы и снижать расценки ради жалкого повышения текущих показателей. В Новочеркасске расстреляли народный протест, а новаторам, решающим эти проблемы, показывали от ворот поворот. Экономисты рассматривали экономику в отрыве от человека и потому позволили политике загнать ее в тупик.

Сегодняшний выход – это вовсе не выход. Это ложный путь.

История развивается по закону преемственности движущих сил. Речь уже не о коммунистических ценностях, порядке изгаженных. Теперь – о спасении страны, да и человечества в целом. «Либеральные реформы», особенно в нашем исполнении, – это не созидательная политика, а хищно-потребительская, изуверская дележка созданного народом богатства. А еще точнее – конкурентное разграбление всеобщего достояния. Концентрация капиталов с последующим переводом их на новые технологии и параллельно на социальную благотворительность (повышение зарплат, пенсий и др. выплат) – еще более сомнительный фантом, чем построение коммунизма от Хрущева путем интенсификации труда.

Необходимо преодолеть навязанные, лживые приоритеты, чтобы перейти от грабительского (как присвоить да разбогатеть) творчества ворюг к массовому позитивному, созидательно-конструктивному (во имя общего блага) творчеству. Люди, разумеется, имеют право жить богато и привольно, но вопрос – каким способом и за чей счет.

На то есть два предложения.

Во-первых, необходимо ввести к зарплате работника-новатора постоянное дополнительное денежное обеспечение от экономического эффекта предложения и выплачивать его до тех пор, пока идея приносит доход, будь то на частном или государственном предприятии. Это отчисление от об-

щего дохода явится оплатой предшествующего неучтенного труда, что повысит заинтересованность рационализатора и изобретателя в подаче, быть может, меньшего количества, но зато более фундаментальных предложений, поскольку они будут означать для него более весомые отчисления. Тогда по совокупности и непрерывности участия широкая техническая революция не заставит себя долго ждать и справедливость к новаторам обернется для всех нас возрастающим благом.

Во-вторых, когда эти отчисления сделают бессмысленной обычную заработную плату работника и человек сможет жить на средства от новаторских идей, тогда вообще его следует освободить от официальной, регламентированной занятости на предприятии с правом свободного и самостоятельного посещения своего и других предприятий по собственному желанию и соответствующим образом оформленному мандату. Это будет свободный труд свободного человека! Как у писателя, художника, композитора. И более эффективная, вне чиновного подчинения и принуждения, самореализация.

Тогда у него появится время постоянно расширять и углублять свои знания, забираться в новые сферы человеческой деятельности, развивая многообразные способности и таланты, разделять домашний труд и воспитание, свободно общаться, увлеченно заниматься спортом, следить за окружающей средой. Да мало ли! Душа избавится от зависти, ко-

рысти, стяжательства, расцветет положительными эмоциями, счастливым мироощущением.

У общества появится возможность сокращать сменную занятость для остальных тружеников, понижать пенсионный порог на употребление физической рабочей силы, снижать потребительские цены, избавляться от социальной конфликтности и преступности.

Человечество постепенно вступит в новую, бесклассовую, мегаэру своего развития. Его история началась с изобретения каменного топора. Теперь, когда творческая способность стала всеобщей принадлежностью, она начнется с изобретения новых орудий, которыми оно прорубит окно и в космос. Но прежде... пусть наши великие честолюбцы Горбачев и Гайдар принесут народу свои извинения за недально-видную и деструктивную политику, стоившую нам не меньших потерь и несчастий, чем сталинская диктатура.

Наша трагедия не в том, что мы не знаем и не можем, а в том, что нам не дают знать и мочь. Нам многое по силам, если бы нам адекватных правителей.

20 февраля 2008 г.

Наталья Брусилова

Брусилова (Смолина) Наталья Владимировна родилась 16

декабря 1981 года.

Университет выпустил первый сборник стихов. В 2003 году заняла первое место на Всероссийском литературном конкурсе «Большая Волга».

В 2009 году печаталась в международном поэтическом альманахе «Я тебя люблю! (Слова, нашептанные моим Ангелом)».

С 2013 года работает в воскресной школе и пишет сценарии для праздничных спектаклей.

В 2017 году стихи были напечатаны в литературном сборнике «Автограф» № 4 Интернационального Союза писателей.

Порталом Стихи. ру номинирована на премии «Поэт года – 2017», «Наследие-2018», на литературную премию имени Сергея Есенина «Русь моя – 2018». Также – на премию Набокова за 2017 год.

У Бога нет времени – вечность...

У Бога нет времени – вечность,
«Один день как тысяча лет».
Пространство Его – бесконечность.
Любовь – ослепительный свет!

И всё повторяется словно:
События евангельских дней.
Заплачет душа с ними снова
И станет вдруг чище, добрей.

Прошёл путь тернистый Спаситель.
Как будто всё было вчера...
Кто сердцем способен увидеть
Всю жизнь и страдания Христа?!

Но Богу – Ему всё возможно!
Он вечности дверь распахнёт.
И наша душа осторожно
В евангельский мир попадёт!

Клад

По крупицам собираю
Золотую тишину.
Чистый отзвук угадаю
И спокойная усну.
Ангел мой крылом укроет,
Пропоёт мне письма.
Тихо скажет: «Что с тобою,
Чем душа твоя больна?»
Я сквозь тихий сон заплачу
И прощенья попрошу.
Если душу всю растрочу,
Что я Господу скажу?
Как пред Ним пустой предстану
С ликом скорбным и глухим?
Неужель, как камень, кану
Иль растаю словно дым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.